

ДЕД-ПОПАДАНЕЦ. ОРКИ, САМОГОН И ПУТЬ ДОМОЙ

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Дед-попаданец. Орки, самогон и путь домой

<https://litres.ru/74318998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мартин Харпер не избранный, не маг и вообще не герой. Ему шестьдесят два, дома его ждут Мэгги, гараж и бутылка нормального самогона.

А вместо этого он просыпается на орочьей земле — с тяжёлым похмельем, в одной рубашке и ровно одном носке.

По местным обычаям человека надо либо убить, либо напоить орочьей Чёрной Смертью. Мартин выбирает третий вариант: просит налить ещё.

Теперь орки считают его почти легендой, вождь ждёт обещанного домашнего самогона, а путь к Мэгги лежит через древний портал под человеческой крепостью. Вот только крепость собирается отнять у клана землю, люди врут приказами, а орки лучше умеют махать топорами, чем действовать по плану.

Чтобы вернуться домой, Мартину придётся пережить орочью брагу, поход, переговоры и чужую войну, в которой он вообще-то участвовать не хотел.

Хорошо, что за плечами у него не магия, а шестьдесят два года опыта: как торговаться, чинить всё подручными средствами и не давать идиотам довести дело до беды.

Илья Игнатов

Дед-попаданец. Орки, самогон и путь домой

Дед-попаданец. Орки, самогон и путь домой

Юмористическое фэнтези

Первая книга

Рукопись

Глава 1. Бодунище на краю света

Мартин Харпер проснулся от того, что кто-то тяжело дышал ему прямо в лицо.

Сначала он решил, что это Мэгги. У жены имелась одна неприятная привычка: когда Мартин забывал выключить свет в гараже или, не дай бог, возвращался после посиделок с Грэмом с лицом человека, который видел дно бочки и не сделал выводов, она не кричала. Она стояла рядом, дышала и ждала, пока он сам поймёт, что натворил.

Но Мэгги пахла мятным мылом, яблочным пирогом и очень спокойной угрозой.

То, что дышало теперь, пахло мокрой шерстью, железом, дымом и чем-то таким, от чего Мартину захотелось немедленно умереть ещё раз — аккуратно, дома и под одеялом.

Он приоткрыл глаз.

Над ним висела зелёная морда.

Морда была размером с крышку от мусорного бака, имела один сломанный клык, шрам через нос и выражение человека, которому только что объяснили, что его любимую корову съели вместе с забором.

Мартин закрыл глаз.

— Грэм, — хрипло сказал он. — Скажи честно. Мы вчера опять полезли на тематическую вечеринку?

В ответ ему рывкнули так, что в груди дрогнули остатки души.

Мартин открыл оба глаза.

Вечеринка явно зашла слишком далеко.

Над ним было небо — огромное, густо-синее, с двумя бледными лунами. Вокруг торчала высокая жёлтая трава, пахло гарью, а в десятке шагов стояли ещё пятеро таких же зелёных громил. У всех были дубины, топоры, кожаные доспехи и лица, с которыми не спорят ни о погоде, ни о политике, ни о том, кому принадлежит последний кусок мяса.

Мартин медленно сел.

Голова тут же попыталась отвалиться.

— Так, — сказал он самому себе. — Хорошо. Либо я в аду, либо Мэгги всё-таки добавила что-то в мой суп.

Один из громил наклонил голову.

— Че-ло-век? — проговорил он на ломаном общем языке.

— А ты, стало быть, бухгалтер? — спросил Мартин.

Громила не понял, но очень уверенно помрачнел.

Мартин оглядел себя. На нём были домашние штаны, старая клетчатая рубашка, один носок и ботинок. Второй ботинок исчез. В кармане рубашки обнаружились складной нож, три винта, зажигалка, мятная конфета без обёртки и старый ключ от гаража на ржавом брелоке в форме гаечного ключа.

Телефона не было.

Это Мартину не понравилось сильнее всего.

— Ну всё, — пробормотал он. — Если Мэгги решила меня проучить, то это уже слишком дорогая постановка.

Он попробовал встать. Земля качнулась влево. Потом вправо. Потом почему-то вверх.

Зелёный, который умел говорить, ткнул в него костяным наконечником копья.

— Встать. Идти. К Гарх.

— К какому ещё Гарху?

— Гарх. Одноклык. Вождь.

— А-а. Начальник, значит. Сразу бы так и сказал.

Орки переглянулись. Мартин не знал, что именно означал этот обмен взглядами, но по опыту семейной жизни понял: ничего хорошего.

Ему связали руки грубой верёвкой и повели через траву.

Шёл он плохо. Не потому, что был старый. Старым Мартин себя не считал, хотя колено уже имело на этот счёт независимое мнение. Он шёл плохо потому, что мир вокруг вёл себя неправильно.

Вдали поднимались чёрные холмы. Между ними ползли тонкие струйки дыма. На склонах стояли кривые каменные столбы, будто кто-то пытался построить дорогу, но бросил после первой бутылки. Над лесом летела птица с четырьмя крыльями. А в небе висели две луны, и ни одна из них не выглядела виноватой.

— Это что за место? — спросил Мартин.

Орк с копьём пожал плечами.

— Земли Чёрной Травы.

— А дальше?

— Дальше — другие земли.

— Очень полезно. А до дома отсюда далеко?

Орк остановился.

— Какой дом?

— Мой. Где жена. Где гараж. Где нормальная вода в кране и холодильник, который не воеет, как раненый бык.

Тот снова пожал плечами. Видимо, в орочьей культуре на большинство сложных вопросов существовало одно мудрое решение: пожать плечами и надеяться, что собеседник устанет.

Лагерь появился за очередным холмом.

Мартин сначала подумал, что это деревня. Потом понял, что деревня — слово слишком доброе. Перед ним стоял круг из шкур, костров, грубо сколоченных навесов и телег, а вокруг него — частокол. Внутри бегали дети с зелёными лицами, спорили женщины, кто-то тащил на себе целую тушу

зверя, а кто-то ругался так громко, что даже Мартин почувствовал уважение.

Он ожидал, что на него будут глазеть. На него действительно глазели.

Одна маленькая орчанка лет пяти, вся в медных браслетах, подошла, ткнула его пальцем в живот и спросила что-то у матери.

Мать ответила.

Девочка захихикала.

— Вот тут я с вами согласен, — сказал Мартин. — Живот есть. Работаю над ним уже лет двадцать.

Его протащили к самому большому шатру в центре. Перед шатром горел костёр, а возле него сидел орк, который был крупнее всех остальных разом.

У него была широкая грудь, тяжёлые плечи, длинные чёрные волосы, заплетённые в косы, и один огромный клык. Второго действительно не было. На коленях у него лежал топор, которым можно было рубить не дрова, а мосты.

Это и был Гарх Одноклык.

По правую руку от вождя сидел сухой старый орк в костяной маске. Он смотрел на Мартина с выражением человека, который уже решил, куда положит его печень.

По левую — молодой широкоплечий орк. Он был не столь огромен, как Гарх, зато смотрел с такой готовностью кого-нибудь ударить, будто за это выдавали премию.

— Вождь, — сказал переводчик с копьём. — Человек из

дыма.

Гарх посмотрел на Мартина.

Мартин посмотрел на Гарха.

И ровно в этот момент у него в голове щёлкнуло.

Перед глазами возникла тонкая полупрозрачная строчка, будто кто-то написал её прямо на воздухе:

Мировая отметка: обнаружена новая территория.
Рекомендация: не ведите себя как идиот.

Мартин моргнул.

Строчка исчезла.

— Ну, — сказал он, — поздновато советуєте.

Гарх что-то сказал. Переводчик послушал и побледнел — насколько вообще мог побледнеть зелёный орк.

— Вождь спрашивает, кто ты.

— Мартин Харпер. Мастер по ремонту. Иногда муж. Сегодня, видимо, покойник.

Переводчик перевёл.

Сухой старый орк в маске резко поднялся. Он начал говорить быстро, яростно и так активно махать костяным посохом, что Мартин отступил на шаг.

— А этот что предлагает? — спросил он.

Переводчик сглотнул.

— Шар-Хур говорит: ты пришёл из Пепельной Щели. Такие люди приносят беду. Надо проверить, есть ли в тебе дух.

— А если нет?

— Тогда... всё равно проверить.

Гарх поднял руку. Шар-Хур замолчал.

Вождь сказал несколько коротких фраз, и в лагере стало тихо.

Мартин понял лишь одно: его дальнейшая судьба только что перестала быть частным делом.

К костру вынесли чёрную каменную чашу. Даже на расстоянии от неё пахло так, будто в неё годами сливали бензин, рассол и чьи-то очень плохие решения.

Переводчик прошептал:

— Вождь даст тебе Чёрную Смерть.

— Название, конечно, обнадеживает.

— Если выпьешь и останешься жив — будешь говорить с вождём. Если нет... духи знают, кто ты.

Мартин посмотрел на чашу. Потом на Гарха. Потом на небо с двумя лунами.

И с совершенно неожиданной ясностью понял: если это не сон, то спорить здесь пока не с кем. А если это сон — хуже уже всё равно не станет.

— Наливай, — сказал он. — Только без льда. Я сегодня и так замёрз от происходящего.

Гарх не сразу взял чашу.

Он смотрел на Мартина внимательно, почти с интересом. Не как на добычу. Не как на гостя. Как на поломанную деталь, которая почему-то оказалась не от той машины и всё равно пытается работать.

Мартин вдруг очень ясно понял, что мог бы сейчас попы-

таться убежать. До частокола было шагов сорок. За ним — трава, холмы и чёрт знает что. Руки ему уже не связывали, ноги были свободны, а в кармане лежал ключ от гаража, который ничего не объяснял, но почему-то не давал окончательно сойти с ума.

Он даже слегка повернулся в ту сторону.

За частоколом в темноте что-то завывало. Низко, долго и так голодно, что Мартин передумал быстрее, чем успел представить себя бегущим.

— Ладно, — сказал он самому себе. — План «сбежать красиво» отменяется.

Керр, стоявший рядом, нахмурился.

— Что?

— Ничего. Я разговариваю с опытом. Гарх впервые улыбнулся. И Мартину сразу стало понятно: зря он это сказал.

Глава 2. Тост, после которого обычно хоронят

Чёрная Смерть выглядела так, будто её не налили, а выкопали из могилы вместе с хозяином.

Жидкость в чаше была густой, почти чёрной, с красноватым блеском. На поверхности медленно лопались пузырьки. Каждый пах так, словно внутри сидел маленький злой сапожник и варил свои носки в дегте, а потом решил добавить туда ржавый гвоздь для характера.

Гарх поднял чашу обеими руками.

В лагере не шевелился никто.

Даже дети перестали бить друг друга палками. Мартин

счёл это очень плохим знаком. Если в чужой культуре дети мгновенно замолкают, значит, сейчас либо свадьба, либо казнь. А судя по тому, как на него смотрел шаман, свадьбу никто не планировал.

— Что там за церемония? — спросил он Керра.

Переводчик сглотнул.

— Гарх говорит: Чёрная Смерть пьётся перед дорогой.

— Перед какой дорогой?

Керр посмотрел на чашу, потом на Мартина.

— Обычно последней.

— Спасибо. Вот теперь всё сразу стало понятно и уютно.

Гарх произнёс ещё несколько слов. Керр перевёл уже тише:

— Первый глоток отвечает, крепко ли тело. Второй — крепка ли душа.

— А третий?

— Третьего никто не просит.

Мартин посмотрел на вождя, на шамана, на две луны и снова на жижу в чаше.

— Прекрасно. Значит, не будем торопиться с рекордами.

Гарх протянул чашу.

Мартин взял её связанными руками не сразу. Верёвка натирала запястья, камень был тяжёлым и холодным. На внутренней стенке чаши дрогнула тонкая руна.

В голове щёлкнуло:

Предмет обнаружен: крепкий напиток неизвестного со-

става. Вероятность разумного решения: 3%.

— Ну спасибо, — пробормотал Мартин. — А раньше нельзя было?

Шар-Хур шагнул ближе. Костяная маска скрывала лицо, но из прорезей смотрели очень довольные глаза человека, который уже мысленно делил чужие сапоги.

Мартин вдруг вспомнил Мэгги. Она стояла на кухне в синем халате, держала полотенце и говорила: «Мартин, я не запрещаю тебе выпить. Я запрещаю тебе потом объяснять кому, почему он ничего не понимает в жизни».

Кот Патч тогда сидел рядом и слушал с таким видом, будто вообще-то был согласен с Мэгги по всем вопросам.

Мартин хмыкнул.

— За Мэгги, — сказал он.

Никто не понял. Это даже немного помогло.

Он поднял чашу и выпил.

Сначала ничего не произошло.

Потом у него загорелись уши.

Потом загорелся язык.

Потом по горлу пробежал маленький демон с факелом, поджёл всё внутри и крикнул: «Держись, старик, я сам не знаю, что это было!»

Мир решил накрениться. Две луны поплыли в разные стороны, костры вытянулись в длинные огненные сопли, а печень Мартина очень вежливо сообщила, что увольняется по собственному желанию.

Но Мартин не упал.

Он вцепился ногами в землю. Это был старый навык, выработанный ещё на лестнице в гараж после того, как Грэм перепутал домашний сидр с жидкостью для розжига. Грэм потом уверял, что перепутал случайно. Мэгги с тех пор не пускала его к полкам без наблюдения и подписей крупными буквами.

В глазах вспыхнули чёрные точки.

Гарх медленно встал.

Тарг положил руку на нож.

Кто-то из стариков у костра зашептал так, будто видел живого покойника.

Мартин выдохнул. В груди было ощущение, словно он проглотил печную трубу и та решила заработать.

— Забористо, — сказал он наконец.

Керр зажмурился.

Мартин покрутил пустую чашу, понюхал её ещё раз и поморщился.

— Но это не напиток. Это заявление о выселении для печени. И пахнет так, будто сапог неделю лежал в болоте, потом его обидели, а потом он обиделся сам.

Тишина стала такой плотной, что ею можно было чинить крышу.

Шар-Хур дёрнулся. Тарг вытаращил глаза. Керр побледнел так, что на его лице стало видно каждую вчерашнюю ошибку.

Мартин посмотрел на кувшин возле трона Гарха.

— И ещё у вас закусывать не принято?

— Что? — не понял Керр.

— Огурец. Мясо. Хлеб. Хотя что-нибудь. Нельзя же такое пить на пустой желудок. Это не храбрость, это неуважение к утру.

Керр перевёл. По кругу прошёл недоверчивый гул.

Гарх смотрел на Мартина несколько долгих секунд. Потом его губы разъехались в улыбке.

Вождь расхохотался.

Он смеялся громко, откинув голову назад, и бил ладонью по бедру. Сначала орки лишь переглядывались, не понимая, имеет ли право смеяться кто-то, кроме Гарха. Потом заревел весь лагерь.

Мартин не знал, смеются над ним или вместе с ним. Но раз пока не режут, решил считать это хорошим знаком.

Гарх сказал что-то короткое и властное.

Керр перестал улыбаться.

— Вождь велит налить ещё.

— Да я, вообще-то, про закуску...

Но Гарх уже взял другой сосуд — не чашу, а широкий полированный рог размером почти с бутылку. Вождь налил Чёрную Смерть до самого края и протянул его Мартину.

Лагерь замер второй раз. Теперь даже барабанщик перестал барабанить, хотя, по мнению Мартина, барабанщик просто хотел жить.

— Он правда сказал налить полный? — спросил Мартин.

— Ты попросил ещё, — тихо ответил Керр.

— Я это после первого глотка сказал. Такие слова юридической силы не имеют.

Шар-Хур что-то резко бросил. Керр перевёл:

— Шаман говорит: второй рог не пьют даже многие взрослые воины. Это не просьба. Это испытание.

Мартин взглянул на шамана.

— А, ну тогда понятно. У вас тут не ритуал, а кружок людей, которым очень скучно жить.

Гарх не отвёл рог.

Именно тогда Мартин понял, что отступать поздно. Если он сейчас откажется, то останется человеком, который сначала плюнул в священную жижу, а потом испугался добавки. В обычной жизни это тоже был бы плохой вечер. В лагере орков — совсем плохой.

Он взял рог.

— Ладно, — сказал Мартин. — Но если я умру, передайте Мэгги, что я был прав насчёт Грэма. Хоть в чём-то.

Он выпил второй раз.

Чёрная Смерть ударила уже не в горло. Она вошла прямо в голову, хлопнула дверью, переставила мебель и начала искать, где у Мартина хранятся самые стыдные воспоминания.

У него задрожали руки. Колени предательски дрогнули. Он сделал два шага назад, налетел плечом на ритуальный столб, обнял его так крепко, будто они были знакомы с дет-

ства, и медленно выпрямился.

Орки не дышали.

Мартин тоже временно не дышал. По техническим причинам.

Он уставился на Гарха. Один глаз у него слезился, второй, кажется, уже видел предков. Но голос всё-таки нашёлся.

— Вот теперь... похоже на напиток.

Никто не шелохнулся.

Мартин поднял палец.

— Но послевкусие всё равно как у мокрого сапога. Так и запишите.

Где-то справа упала миска.

А потом лагерь взорвался.

Орки вскочили, загремели кулаками по нагрудникам, заорали так, что с деревьев сорвались птицы. Кто-то прыгал вокруг костра. Кто-то пытался обнять Мартина, но Керр ловко встал между ними и объяснил, что легенду нельзя раздавить в первые пять минут знакомства.

Даже Тарг смотрел на него уже не как на добычу, а как на человека, который только что лично поспорил с громом и выиграл по очкам.

Гарх подошёл к Мартину. Он был выше на две головы и пах дымом, железом и тем же адом, который Мартин только что выпил дважды.

Вождь положил тяжёлую ладонь ему на плечо. Не дружески. Скорее как проверяют, живой ли столб.

— Имя, — сказал он на общем языке. — Имя человека, который просит ещё.

Мартин проглотил остаток огня во рту.

— Мартин. Просто Мартин.

Гарх повторил медленно:

— Мар-тин. Который не падает.

Клан подхватил имя так дружно, будто оно было боевым кличем. «Мар-тин, который не падает!» — грохнуло над лагерем. Один орк даже упал на колени. Мартин хотел сказать, что это лишнее, но язык ещё не был уверен, на чьей он стороне.

Перед глазами мигнула строка:

Достижение получено: «Не сдох. Дважды». Репутация клана Пепельного Клыка: +25. Титул: «Тот, кто просит ещё». Отказаться нельзя.

— Вот это уже полезнее, — пробормотал Мартин.

Керр наклонился к нему.

— Что ты сказал?

— Ничего. Голова разговаривает.

Гарх услышал последнее и очень серьёзно кивнул, словно это было ещё одним признаком могущества.

Мартин решил не уточнять. В таком состоянии даже он понимал: если тебя в чужом мире по ошибке записали в легенды, лучше хотя бы до утра не спорить с документами.

Шар-Хур что-то прошипел. Переводчик перевёл нехотя:

— Шаман говорит, сила напитка не доказывает силу че-

ловека. Человек мог быть послан тёмными духами.

— А этот масочник мне с утра нравится всё больше, — сказал Мартин.

— Он спрашивает, умеешь ли ты сражаться.

— Умею ругаться с продавцами запчастей. Иногда это страшнее.

Переводчик замялся, не зная, как объяснить «продавцов запчастей». Мартин увидел, как молодой воин у костра что-то выкрикнул. Остальные зашумели.

— Тарг, — подсказал переводчик. — Сын сестры Гарха. Говорит: пусть человек докажет силу в круге.

Тарг встал. Молодой, широкий, с короткой косой и зубами, которые он явно чистил только в бою. Он бросил у ног Мартина деревянный тренировочный топор.

— Вот и прекрасно, — вздохнул Мартин. — Сначала меня напоили химическим оружием, теперь хотят, чтобы я с ним танцевал.

Он посмотрел на топор, потом на Тарга.

— Слушай, сынок. Мне шестьдесят два. У меня колено, поясница и уважение к чужим топорам. Я не рыцарь. Я человек, который дома кран меняет.

Переводчик перевёл.

Тарг насупился.

Гарх прищурился.

Шар-Хур замер.

Потом один старый орк возле костра благоговейно про-

шептал что-то. Второй повторил. Третий покивал.

Мартин не понял, но почувствовал: его слова опять как-то неправильно интерпретировали.

— Что я сказал? — тихо спросил он.

Переводчик кашлянул.

— Они думают... ты говоришь, что сильный воин не рубит топором без нужды. Сначала он чинит то, что даёт воду племени.

Мартин посмотрел на Гарха.

— Ну... в общем, да. Примерно.

Гарх сказал Таргу одну короткую фразу.

Тарг сжал зубы и отступил.

— Вождь говорит: чужак прав. Топор для врага. Руки — для клана.

Мартин едва не расхохотался. Вместо этого он только кивнул с видом человека, который всю жизнь именно это и проповедовал.

Перед глазами мигнула ещё одна строка:

Дополнительная награда: «Не трогай мастера». Репутация клана Пепельного Клыка: +5.

— Вот это уже полезнее, — пробормотал он.

— Что?

— Ничего. Голова разговаривает.

Гарх услышал последнее и нахмурился. Потом указал на большой шатёр.

— Гость. Не пленник.

Шар-Хур вскинул посох.

— Не друг, — добавил вождь. — Пока.

Мартин посмотрел на тёмный вход шатра, на костры, на орков и на небеса с двумя лунами.

Потом он очень спокойно спросил:

— А туалет у вас где?

Переводчик сперва не понял. Потом покраснел.

Гарх хмыкнул.

Гарх что-то сказал. Керр перевёл, всё ещё посматривая на Мартина с осторожностью человека, которому только что велели присматривать за гранатой.

— Вождь говорит: человеку, который выпил два рога и попросил еды, дают место у огня.

— Вот это уже цивилизация, — сказал Мартин. — Начинать надо было с этой части.

Тарг, не глядя ему в глаза, поставил рядом деревянное блюдо. На нём лежало мясо, лепёшка и белые хрустящие коренья, подозрительно похожие на очень злые огурцы.

— Он говорит, это не из жалости, — пояснил Керр. — Это уважение.

— Передай ему: уважение принято. Особенно мясо.

Тарг буркнул что-то в ответ. Керр нехотя улыбнулся.

— Он сказал: завтра ты будешь пить с воинами.

Мартин медленно положил лепёшку обратно на блюдо.

— Передай ему: завтра я буду смотреть на воду. Долго. Молча. И думать о своих ошибках.

По кругу прошёл смех. Даже Шар-Хур на секунду перестал выглядеть так, будто рассчитывает выжать из Мартина проклятие вместе с печенью.

Мартин снова взял лепёшку. С мясом всё происходящее выглядело чуть менее смертельно. Совсем чуть-чуть.

И Мартин окончательно осознал, что, кажется, сумел пережить знакомство.

Теперь оставалось пережить всё остальное.

Глава 3. Гость, которого нельзя понять

Шатёр, выделенный Мартину, был большой, тёплый и совершенно не приспособленный для человека, который хотел хотя бы раз уснуть без того, чтобы его разбудил чей-нибудь боевой крик.

У орков, как выяснилось, ночь была временем для важных дел. Ночью они пели. Ночью они спорили. Ночью они точили оружие. Ночью три раза устроили соревнование, кто дальше плюнет через костёр. А ровно перед рассветом кто-то начал бить в барабан.

Мартин лежал на куче шкур, смотрел в потолок и думал о том, что Мэгги сейчас наверняка уже заметила его отсутствие.

Он не пришёл ночью. Не позвонил. Не оставил записки.

Если он вернётся, Мэгги сначала обнимет его. А потом, вероятно, прикопает на заднем дворе. И он, честно говоря, заслужил.

— Надо домой, — сказал Мартин в темноту.

Из угла отозвался кто-то маленький.

— Дом?

Мартин подпрыгнул так, что поясница немедленно потребовала письменных извинений.

У входа сидела та самая маленькая орчанка в медных браслетах. В руках у неё была деревянная миска.

— Ты чего здесь? — спросил Мартин.

Она сказала длинную фразу, а потом, очень старательно, повторила на общем языке:

— Мать. Еда. Гость не умер.

— Передай матери: спасибо. И скажи, что гость пока тоже не уверен, рад ли этому.

В миске оказалась каша из чего-то серого, жирного и подозрительно живого. Мартин подумал о яйцах с беконом, которые Мэгги делала по воскресеньям, и едва не загрустил. Потом попробовал кашу.

Было неожиданно вкусно.

— Как тебя зовут?

— Рика.

— Рика, значит. Я Мартин.

— Мар-тин, который не падает.

— Вот видишь, это они погорячились.

Девочка серьёзно кивнула, будто заносила его слова в древнюю книгу.

За пологом заскрипели шаги. В шатёр вошёл Тарг.

Вблизи он казался ещё моложе, чем у костра. Может, лет

двадцать пять по человеческим меркам. На щеке у него был свежий порез, а на поясе висел настоящий боевой топор.

Он посмотрел на миску, на Рику и на Мартина.

— Уходи, мелкая, — сказал он на орочьем.

Рика показала ему язык и выбежала наружу.

Мартин невольно улыбнулся.

— У вас дети, значит, тоже нормальные.

Тарг понял только слово «дети» и нахмурился ещё сильнее.

С ним пришёл переводчик — его звали Керр, и он оказался не орком, а низкорослым полукровкой с длинными ушами и самым усталым лицом, какое Мартин видел со времён очереди в городской службе.

— Тарг спрашивает, почему ты не взял топор.

— Потому что я люблю, когда старики доживают до пенсии.

Керр перевёл.

Тарг рявкнул.

— Он говорит: старик, который боится поединка, не может сидеть возле огня вождя.

Мартин вытер ложку о край миски.

— Скажи ему: старик, который лезет в поединок, когда можно сначала поговорить, — это не воин, а просто человек с коротким сроком годности.

Тарг сделал шаг вперёд.

Мартин не отступил. Внутри было страшно. Очень страш-

но. Но за шестьдесят два года он выучил одну полезную вещь: если перед тобой человек, который хочет тебя напугать, иногда достаточно не дать ему удовольствие.

— Ты на меня злишься не потому, что я не взял топор, — продолжил он через Керра. — Ты злишься, потому что твой вождь назвал меня гостем. Значит, думаешь, что я получил место, которого не заслужил. Это я понимаю. Я тоже не люблю, когда кто-то в гараже берёт мой ключ на десять и кладёт его не туда.

Тарг моргнул.

Керр перевёл последние слова медленнее обычного.

— Ключ на десять? — спросил Тарг.

— Самый нужный. Всегда пропадает.

Тарг очень серьёзно кивнул.

— Он понимает, — сказал Керр.

— Вот видишь. Уже нашли общий язык.

Тарг что-то проговорил. Керр закатил глаза.

— Он хочет показать, что он не трус. И предлагает тебе сесть у огня вместе, когда будет пир.

— Это приглашение?

— У орков — почти извинение.

— Тогда скажи: принимаю. Но если опять будет Чёрная Смерть, пусть несут закуску и человека, который умеет писать завещания.

Пир начался вечером. Мартин успел за день увидеть лагерь и понять, что орки не были ни тупыми, ни единым

страшным стадом, как их, видимо, представляли где-то далеко.

Кто-то чинил упряжь. Кто-то варил суп. Две женщины спорили над картой, раскладывая на ней камешки. Один седой орк лечил мальчишке руку. У кузницы работали трое, и делали это так аккуратно, что Мартин задержался посмотреть.

— Железо хорошее, — сказал он кузнецу, показывая на заклёпки.

Кузнец гордо выпрямился.

Керр, который ходил за ним как официальный переводчик и неофициальный надзиратель, перевёл.

Кузнец не понял половины, но слово «хорошее» понял прекрасно.

К вечеру вокруг центрального костра собрались почти все. На земле стояли миски с мясом, хлебом и горькими кореньями. Гарх сидел на своём месте, рядом с ним — Шар-Хур, который смотрел на Мартина так, будто мечтал отправить его обратно в Пепельную Щель лично, ногами вперёд.

— Гость, — сказал Гарх и указал на место возле себя.

Мартин сел.

Тарг устроился напротив.

Сначала все молчали. Потом Гарх заговорил. Керр переводил:

— Вождь говорит: расскажи о своём доме. О мире, где напиток мягче Чёрной Смерти.

Мартин хмыкнул.

— Да что там рассказывать. Дом как дом. Крыша течёт с северной стороны. Гараж перекосило после той зимы. У Мэгги на кухне всё по полкам, а у меня в гараже — почти по полкам. Есть сосед Грэм. Грэм добрый человек, но если он чинит что-то один, потом приходится чинить уже всем кварталом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.